

ПРЕГЛЕД / ОБЗОРИ И РЕЦЕНЗИИ / SURVEY AND BOOK REVIEWS

Румяна Златанова (София, България)

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ
ПО ПАЛЕОБУЛГАРИСТИКЕ

Лишь за месяц до открытия в Югославии VIII Международного съезда славистов в Софии встретились выдающиеся слависты многих стран мира, для того чтобы представить свои последние изыскания и для того чтобы обсудить актуальные вопросы из области палеобулгаристики. Организованный Болгарской академией наук и Софийским университетом им. Климента Охридского (директор проф. д-р Куйо Кувев и заместитель директора ст. н. с. Екатерина Дограмаджиева) первый международный форум палеобулгаристов стал местом встречи представителей Австрии, Болгарии, Венгрии, Дании, Израиля, Италии, Испании, Польши, СССР, ФРГ, Чехословакии, Швеции, Югославии и Японии. С 10 по 24 августа в одном из залов Экономического института в Студенческом городке в София были зачитаны 30 докладов, каждый из которых внес свой вклад в широкий круг палеобулгаристических вопросов: исследований отдельных старобулгарских рукописей и оригинальных произведений старобулгарских авторов, основных вопросов старобулгарского языка и его графических систем, отношений и связей старобулгарских языка и литературы с остальными славянскими языками и литературами, отражения старобулгарской литературы в средневековом изобразительном искусстве, а также истолкования некоторых неразработанных до сих пор сторон Кирилло-Методиевой проблематики. Свободная тематика коллоквиума и оригинальный характер докладов способствовали значительному интересу к заседаниям коллоквиума (о чем свидетельствовало постоянное присутствие аудитории из 50—60 чело-

век) и его высокому научному уровню. В оживленных дискуссиях, следовавших за каждым докладом, участники излагали собственные наблюдения, нередко высказывали новые идеи, постоянно подчеркивали свой интерес и свое уважение к памятникам древнейшей славянской письменной культуры.

Рассмотренные проблемы и сделанные замечания можно в основных чертах представить следующим образом (в алфавитном порядке авторов):

Известный славист Моше Альтбауер (Иерусалим) сообщил об открытом им в монастыре св. Екатерины «Среднеболгарском фрагменте (палимпсесте) в Синайской славянской рукописи № 39». Рукопись, объемом в 46 листов, является древнерусским пракапостолом с XIII—XIV вв. Столбец 2 на л. 44б и л. 45а-б содержат воскресные прокимены и аллилугиарий на восемь голосов, представляющие собой стихи из псалтыри. Данные прокимены являются интегральной составной частью всех апостолов и пракапостолов. Вероятно, поэтому они были прибавлены к древнерусскому тексту. Палеографические особенности позволяют отнести среднеболгарский фрагмент к XII в. Среди разнообразных графических характеристик особого внимания заслуживают: ю сбортнсе (лцдѣмь, 45б. 4), ѡ (твѡѡ, 45а. 12—13), лѡ вм. лѡ (съвѡлѡдѣшн), 45а. 11 и лѡдн, 45а. 17), т вм. ѡ (твѡѡ, 44б. 4), ошибочное възранан (45б. 15) вм. въ изранан. Характерные фонетические отличия: смешение ѡ и ѡ, употребление только ѡ в префиксах и суффиксах и т. д. Лексику и тексто-

логические особенности фрагмента автор предполагает рассмотреть на широкой сравнительной основе в подготавливаемой к печати статье. Особый интерес вызывают сохранившиеся на л. 45а-б следы более ранней рукописи, часть которой идентифицируется как глаголическая. После исследования этих страниц современной фототехникой славистика будет располагать неизвестным древним глаголическим фрагментом. Его прочтение поможет охарактеризовать позднюю глаголицу.

Знаковой мотивированности глаголических букв был посвящен доклад Боряны Велчевой (София) „*Староболгарские гласные и глаголица*“. Путем лингвистического анализа автор стремилась установить общие принципы, по которым группируются буквы в первой славянской азбуке, и выявить особенности отраженной в ней фонологической системы. К примеру буквы кратких гласных объединены диакритическим знаком „сверхкратких“ — высокими кратких гласных. Наука не располагает точными данными об отражении различий по лабиальности и сверхкраткости у этимологически кратких гласных. Сложным путем прошло развитие знака носового согласного в старо- и среднеболгарском. Долгие гласные переднего ряда содержат общий элемент Δ или ∇ . Δ присутствует также в ранних кириллических начертаниях славянских гласных ѣ, а, ѡ, ѣ, ѡ. У гласных переднего ряда нижнего подъема элемент Δ чередуется с ∇ . Буквы гласных заднего ряда нижнего подъема (за исключением А) являются комбинацией двух знаков. Анализ подтвердил мнение о глаголице как об основательно продуманной системе, как об оригинальном творении Константина-Кирилла Философа.

В поисках нового объяснения „*Происхождения староболгарского имперфекта*“ Владимир Георгиев (София) указал на существование двух основных гипотез о происхождении окончаний **-аахъ** и **-вахъ**. Ваян считает их ја — расширением балтославянского претеритума на $\tilde{e}$ и $\tilde{a}$, срв. стболг. **мьнѣ, зна**. Данное предположение неудовлетворительно ни с точки зрения объяснения значения, ни с точки зрения объяснения формы. Более раннее предположение отождествляет **-ахъ** с др.-инд. перфектом $\bar{a}sa$ „быть (до этого)“, чья основная форма, однако, не подходит для объяснения др.-болг. формы и значения имперфекта. По мнению автора, др.-болг. имперфект с точки зрения происхождения аналогичен латинскому, возникшему в результате сочетания причастия с имперфектом. Ср.-болг. **зоба-ахъ, вна-ахъ** и т. д. содержат праславянское причастие настоящего времени, сохранив-

шеся в др.-рус. (срв. *мога, неса, зова*) и в др.-чешском (срв. *moħa, nesā*), и праславянский имперфект ($\bar{j}as\bar{b}$ и $\bar{j}a\bar{x}$ „был“ = гом. $\bar{j}a$, аф. $\bar{j}$ „был“ от ие. * $\bar{e}sm$, образованного как др.-болг. **ъсъ** и **ъхъ** „ел“ из ие. * $\bar{e}ds-m$). В др.-русском имперфект имел одно единственное окончание: **-ахъ** из **-аахъ**. Староболгарское окончание **-вахъ** является новообразованном по модели форм аориста (срв. **мьнѣхъ, внаѣхъ**) и инфинитива (срв. **мьнѣти, внаѣти**).

Эмил Георгиев (София) связал „*Возникновение оригинальной староболгарской агиографии*“ прежде всего с „Пространным житием Кирилла“, возникшем вероятно еще при жизни Мефодия. Подтверждением данной точки зрения является так называемая „Италийская легенда“, для написания которой епископ Гаудерик использовал письмо Афанасия Библиотечаря, его перевод произведений Кирилла с греческого (о нахождении мощей папы Климента и „Похвальное слово“, произнесенное Кириллом по этому случаю), а также названное „Житие“ Кирилла. „Италийская легенда“ возникла около 882 г., а так как она посвящена папе Иоанну VIII, Мефодий же скончался в 885 г. Следовательно, он мог быть источником написания данного „Жития“, возложенного им, по всей вероятности, Клименту. После этого возникают четыре кратких жития Кирилла, Мефодия, Наума и Климента (последнее из них до нас дошло). Эти шесть житий являются началом болгарской агиографической литературы. Они отличаются элементами реализма и непосредственной социальной функцией — утверждением дела Кирилла и Мефодия в Средневековой Болгарии.

Общезвестно, что язык Кирилла и Мефодия не оставался неизменным даже в течение самого раннего периода своего существования. Излагая свои наблюдения над „*Староболгарским языком и его школами*“, Иван Гылыбов (Зальцбург) показал несостоятельность лексического критерия при описании противопоставления Преславской и Охридской письменных школ. На отсутствие подобной антитезы указывает комплексный лексический анализ староболгарских памятников. Существующие варианты свидетельствуют о наличии определенной нормы староболгарского языка в его литературном варианте, причем она не была локализована географически или диалектно. На основании 18 признаков автор различает 6 школ: 1. Кирилло-Мефодиевую, установившую норму литературного языка. 2. Первую Преславскую, только с ѣ. К ней относятся 65% известных надписей из Преслава, а также Македонский кириллический листок. 3. Вторую Преславскую — с дву-

мя „сверхкраткими“, нелокализованную. 4. Ё-школу с одним „сверхкратким“ — отличается незначительным количеством памятников, не локализована, но определенно участвовала в оформлении общего облика староболгарских памятников. 5. Тырновскую школу с фонетически урегулированным употреблением „сверхкратких“ и с сохранившимся носовым произношением. 6. Видинскую школу, распространенную в западных окраинах Болгарии, с носовыми наследниками *ѣ* и *ѡ*. Быстро утратила свое значение. Каждая из школ проявляла тенденцию к тотальной реализации набора определенных норм. Действительно, однако, дело никогда не доходило до их полной реализации.

При повышенном интересе прошел доклад А к с и н и н и Дж у р о в о й (София) „Художественное оформление староболгарских рукописей“, проиллюстрированный демонстрацией цветного микрофильма. Автор показала богатые литературные традиции Средневековой Болгарии. В X—XI вв. художественное оформление староболгарской рукописной книги в значительной степени придерживалось византийских образцов, отличающихся исключительным развитием орнаментаки, однако, в продолжение следующей эпохи выделились три основных стиля: терратологический (XII—XIII вв.), неовизантийский (XIV в.) балканский (XIV—XVIII вв.). В XIV в. во время царствования Ивана-Александра расцвета достигла также и миниатюра. Она отличалась стилистическими и иконографическими особенностями византийского искусства эпохи Палеологов. Во времена рабства (XV—XVIII вв.) продолжалось развитие переходной традиции, хотя уже намечались и новые черты, характерные для народного искусства. Тысячелетняя история болгарской рукописной книги является одним из самых ярких свидетельств староболгарской культуры.

Петр Динев (София) обратил внимание на уникальное произведение староболгарской литературы „Болгарскую апокрифическую летопись“ (изданную и исследованную Й. Ивановым в „Богомилских книгах и легендах“, 1925). Данное произведение возникло вероятно всего на рубеже XI и XII вв. Среди связанных с нею проблем решены лишь некоторые: отождествления легендарных имен и названий с историческими, установления богомилских элементов, выяснения патристических и мессианистических элементов в содержании. Автор указал на наличие в произведении трех пластов: апокрифического, исторического и фольклорного, и выяснил их истоки. Особое внимание он обратил на восстановление времени и среды, в которых возникла „Болгарская апокрифическая летопись“. Именно они

определили характер произведения, идеализацию болгарской истории, идейную направленность. Автор провел также аналогию с делом и личностью Паисия Хилендарского (о которой намекал еще И. Иванов) и с иными произведениями, возникшими во времена византийского владычества. Анализ этого оригинального и интересного произведения староболгарской литературы окончился характеристикой художественного оформления и жанровых особенностей „Болгарской апокрифической летописи“.

Новые наблюдения над „Редакциями евангельского текста“ предложил И в а н Д о б р е в (София). Материал для исследования первоначального евангельского текста представляют евангельские цитаты из „Жития Кирилла“, „Номоканона“, проповедей в сборнике Клоца и в Супрасльской рукописи, „Учительное евангелие“, произведения Климента Охридского, первая часть Саввиной книги. Особенности всех славянских евангельских кодексов, по мнению автора, можно свести к трем типам редакций. В X—XI вв. выделяются: I редакция, объемлющая апракос и четвероевангельские тексты (Ассеманьево, Остромирово ев., Саввина книга II, Маринское, Зографское ев.); II редакция, объемлющая Мстиславово ев., Добрилово ев., Тырновское ев. и ряд болгарских, русских и сербских текстов; I переработанная редакция (Добромирово ев., Никольское ев.), в чей состав введены все апракосевангельские чтения. В середине XIV в. завершилась III (афонская) редакция евангельского текста (Чудовский завет 1355 г., Рильское евангелие 1361 г., Константинопольское евангелие 1383 г.). Отпадает предположение о так называемой Евфимиевой редакции, Евфимий лишь воспринял афонскую орфографию и афонский евангельский текст.

В исследовании Е к а т е р и н ы Д о г р а м а д ж и е в о й (София) „К вопросу о дублетности в староболгарском литературном языке (на материале системы союзов)“ были проанализированы обстоятельные союзные средства с целью установления типов союзных дублетов, причин их появления, степени их употребительности, взаимоотношений староболгарских памятников на основе инвентаря союзов, характера староболгарской литературной нормы. На материале всех староболгарских памятников и всех произведений староболгарских авторов можно выделить 10 различных по составу типов союзных дублетов. Высокая степень их вариативности обусловлена разнообразными факторами: возникновением литературной нормы языка, широкой территориальной базой, хронологическими изменениями. Варьирование союзных средств во всех староболгарских памятниках сви-

детельствует о том, что литературная норма в то время была свободной, открытой для языковых особенностей разговорной речи и для неологизмов. Норма создавалась путем следования за авторитетными книжниками и подражания им. Разнообразие в использовании равноценных вариантов свидетельствует о широком размахе и интенсивности литературной деятельности.

Устанавливая „Ареальную характеристику староболгарского языка“, Иван Дуриданов (София) ввел географическое название Восточнобалканский славянский тип для определения дописменного периода староболгарского языка. Староболгарский язык существовал как разговорный народный язык и как письменный литературный язык, что не одно и то же. На основании ареалов обеих изоглосс: 1. характера др.-болг. $\check{v} < *\check{e}$ и 2. шт, жд $< *tj, *dj$, в соответствии с последними данными болгарской диалектологии возможно определение ареала староболгарского народностного языка. Третий признак (характер ж и њ) не подходит для отграничения ареала староболгарского языка из-за отсутствия удовлетворительных данных о произношении ж на территории всей болгарскоязычной области в то время.

На базе всестороннего текстологического, историко-литературного и лингвистического анализа слов в „Германовом сборнике 1359“ Дора Иванова-Мирчева сообщила новые данные об архаичности памятника и доказала, что его основное ядро возникло в течение староболгарского периода (в конце X в.). Неоспоримым доказательством этого являются моравизмы в „Слове о Петре и Павле“, наличие списков с более архаическими различиями, чем известные по Супрасльской рукописи, а также наличие переводов более ранней Кирилло-Мефодиевой школы. Гипотетическим осталось отождествление митрополита Германа из приписки в сборнике с патриархом времен царствования Самуила Гавриилом-Германом. При исследовании обеих староболгарских школ: Охридской и Преславской, по мнению автора, языковые различия необходимо периодизировать как более архаические и более новые, а не локализовать.

Петр Илчев (София) представил исследование „Структурных принципов глаголической графики“. Ее основным конструктивным элементом является черточка, чье значение может быть: знакообразным, лигатурным, декоративным и индивидуальным. Двойная связь между черточками образует характерные замкнутые пространства, важнейшим из которых является петля. Открытые геометрические начертания трудно объяснимый факт глаголической графики. Доминирующей яв-

лялась линия верхнего ряда, поэтому ее связь с буквенными начертаниями сознательно подчеркивали. Для глаголических фигур типичны вертикальная симметрия и графическая уравновешенность. Этим объясняются некоторые ранние исторические изменения ассиметрических буквенных чертжей. Графико-геометрический структурный анализ глаголических буквенных конструкций способствует также раскрытию присущей им фонетической семантики.

Марио Капальдо (Рим) сообщил новые данные „О происхождении одной хомилии, чьим автором считают Иоанна Экзарха“. Он установил, что „Хомилия на Вознесение“ прошла через две редакции и отличается следующей композицией: 1. введением в двух частях; 2. повествовательной частью (три земных и три небесных картины); 3. вторым введением; 4. полемической частью; 5. заключением. Части I (вторая половина), III, IV и V являются точным переводом всей проповеди „*Εὐφρανέτωσαν οἱ οὐρανοὶ*“ (изданной Ваг-ом в „*Traditio*“), а части I (вторая половина) и II являются сокращенной версией второй части псевдохризостомовой проповеди „*Φαίδρα μὲν πάσα ἑορτή*“ (PG 52, 799—802). Заключение первой редакции переходит в третье введение — новое развитие темы во второй редакции. Ее последняя часть взята из известной проповеди на Вознесение: *свѣтъло ми са чрковноу позрачнше*, которая является переводом псевдохризостомовой проповеди „*Φαίδροῦ μοι τὸ τῆς ἐκκλησίας θέατροῦ*“. Автор предлагает также первое критическое издание слова.

Ольга Александровна Князева (Москва) сообщила интересные сведения о Софийской части древнерусского апракосевангелия конца XII в. („Об одной древнерусской рукописи в Болгарии“), находящейся под № 25 в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия. Его описал Б. Цонев (1910), а исследовал И. Тот (1973). Продолжение рукописи, которое сохраняется в Одесском археологическом музее под № 59 625, было описано В. М. Ляпуновым в 1907 г. Позднейшие поправки в обоих текстах свидетельствуют о том, что рукопись была в употреблении у хорошо знающих среднеболгарскую письменность книжников (после XV—XVI вв.). А датированные приписки с XIX в. в Одесской части указывают на постоянное употребление рукописи болгарами. Вероятно целостное евангелие принадлежало П. В. Оджакову, который в 1866—1873 гг. обучался на Одесском (Новороссийском) университете. Автор не отвергла целостью и предположения, что рукопись известное время являлась собственностью Г. С. Раковского.

В докладе „Фита-фиксация нот в среднеболгарских рукописях XII—XIII вв. или двенадцать недавно найденных памятников староболгарской музыки“ Стефан Кожухаров (София) сообщил о результатах продолжительного (оконченного в 1976 г.) исследования переводных гимнографических сборников, проведенного с точки зрения староболгарской гимнографии. Наличие фита-фиксации в этих памятниках осталось до сих пор незамеченным. Данная нотная система появлялась спорадически в гимнографических сборниках без нотных записей и фиксировала исполнение определенного музыкального мотива или музыкально-стилистической формулы, хорошо известных исполнителю. Автор изложил особенности фита-сочетаний и объяснил их появление в среднеболгарских рукописях. Значение новой находки сформулировано следующим образом: 1. Новые памятники наравне с известными до сих пор 4 рукописями с фита-фиксацией нот коренным образом изменяют наши представления о количестве музыкальных памятников среднеболгарского периода и вообще о музыкальной культуре эпохи; 2. Древнейшие рукописи, содержащие фита-фиксацию, находятся в непосредственной связи с глаголической традицией. Данное утверждение дает основания предполагать, что фита-фиксация является одной из первых систем нотной записи, использованных в продолжение классического староболгарского периода; 3. Наблюдения над фита-фиксацией дают основания ввести в изучение древнеболгарских рукописей проблематику литургического произношения; 4. Сравнительное изучение фита-сочетаний благоприятствует попытке реконструкции фита-репертуара и системы сочетаний, использованных в древнеболгарских рукописях.

Первое исследование среднеболгарской рукописи XIII в., сохраняющейся в Одесском государственном музее, — „Семантика и синтаксис отрицания в Кожновском евангелии“ предложила Наталия Викторовна Косек (Одесса). Автор отметила яркое функциональное разграничение отрицательных частиц не и ни, совпадающее с их употреблением в Саввиной книге, и объяснила этот факт наличием общего протографа для обоих текстов. Не всегда отрицательные частицы связаны синтаксически и семантически со словами, перед которыми они стоят в предложении. В связи с этим были проанализированы разнообразные варианты, наличествующие в памятнике. Неоднократно в противоречии с каноническими евангельскими текстами вин. пад. вытесняет род. в отрицательных конструкциях с прямым дополнением.

Четыре основных этапа в „Миграции староболгарских рукописей“ отметил Куйо Кувев (София). В продолжение первого этапа (X—XII вв.) рукописи попадали в Киевскую Русь. Болгарские оригиналы утрачены, но о них свидетельствуют многочисленные древнерусские списки. Начало второго периода связано с турецким нашествием (конец XIV—начало XV вв.), вызвавшим эмиграцию книжников на север от Дуная и в Сербию. Значительная часть вывезенных рукописей сохранилась в пределах Румынии, другая попала на Афон, третья — на Русь, четвертая — на Запад. Третий этап связан с миссией Арсения Суханова 1654—1655 гг., собиравшего греческие и славянские рукописи для предстоящей реформы богослужебных книг. Он приписывал свое имя на взятых с Афона рукописях, большая часть которых (включая болгарские) находится сейчас в Московской синодальной библиотеке, в ГИМ-е. Четвертый этап приходится на XIX в. В связи с развитием славистики ряд коллекционеров и ученых (Курзон, В. Григорович, А. Гильфердинг, П. Успенский) собирали рукописи в балканских странах. Таким образом важнейшие древнеболгарские рукописи попали в зарубежные книгохранилища.

Ангелина Минчева (София) остановилась на „Типологическом значении балканизмов в староболгарских памятниках“. В продолжение этого древнейшего периода балканизмы выступали еще в зачаточном виде и в органической связи с особенностями славянского синтаксиса. Они входили в норму староболгарского литературного языка, но, вероятно, степень их развития в диалектах была значительно выше. Их можно классифицировать в соответствии с дальнейшими балканскими изменениями в системе болгарского языка, так как формы балканизации староболгарского синтаксиса существенно между собой различаются. Независимо от этого единственно староболгарские памятники являются надежным хронологическим критерием при изучении развития балканских языковых контактов в IX—X вв. С другой стороны, балканизмы в староболгарских памятниках относятся к категории важнейших доказательств народностной принадлежности классического староболгарского языка, у истоков которого стоят переводы Кирилла и Мефодия.

Тацуя Мориясу (Токио) обратил внимание на слабо изученные источники типичной для восточного христианства иконы „Сшествие Христа во ад“. Большая часть исследователей ищет ее источник во второй части евангелия Никодима, но ряд иконографических особенностей можно объяснить лишь в связи с хомилиарием Михановича XIII в. В нем

вместо указанной части евангелия Никодима помещена проповедь на Великую субботу Епифания Кипрского (VII в.). Внимательное сравнение этого драматического произведения с иконой дает автору основание рассматривать „*Хомилию Епифания как важнейший источник иконы „Сошествие Христа во ад*““.

Некоторые теоретико-методологические соображения при изучении „*Апокрифов в системе древних славянских литератур*“ изложил Александр Наумов (Краков). Он предложил новое определенное понятие „апокриф“ в соответствии с его внутривидовыми и функциональными особенностями. Тексты, принадлежащие к данной категории, можно систематизировать по следующим внутренним признакам: генетическому, контекстуальному или композиционному, функциональному, тематическому, лингвистическому, жанровому. Апокриф всегда проходит сквозь призму библиино-обрядовой литературы и представляет собой своеобразную модификацию и валеризацию определенной библиной символики и топики. Причиной различий в конкретном пластическом упорядочении является некомплетность пластических реализаций образов из посредующих пластов. Поэтому при генетическом методе исследования надо изучать не функцию данного источника в генезисе произведения, а функцию заимствованного элемента в новой структуре, имея в виду роль традиции и единство творческого метода средневекового писателя.

В соответствии с „*Наблюдениями над языком Синайского молитвенника*“ и с особенностями перевода и характером источников Пиринка Пенкова-Персен (Одензее) сгруппировала фрагменты компилятивного текста памятника. Последняя южнославянская редакция всего текста не уничтожила следов говоров Фесалоник и Моравии, отраженных в протографе переписчика. В Северной Моравии был осуществлен перевод частей 1a1—6v23 и 51a11—56v4, молитв 28v3—35a8 и 38v18—43a20, Заповедей св. отцов и Сант Емерантской молитвы. Из иного сборника почерпнуты, вероятно, различные по композиции молитвы 12v1—15a24 и 24a23—27v3. Последний переписчик „исправил“ моравизмы в псалмах, перевел, следуя Преславской традиции, грецизмы, добавил молитвы против лихорадки и, вероятно, интерполяцию о „христолюбивом от бога царе“ и о новом христианском законе.

Общезвестен факт, что из огромного числа книг, вышедших из-под пера братьев Кирилла и Мефодия, до нас дошло ничтожное количество — 17 рукописей староболгарской эпохи. В списках, появившихся до конца XI в., сохранились лишь немно-

гие из их оригинальных и переводных сочинений. А триод и патерик известны лишь в списках, не старше XII в. В своих многолетних исследованиях триода и патерика Йеж и Русек (Краков) неоднократно показал несомненную связь их лексики с лексикой древнейших болгарских памятников глаголической традиции. Приведенный им новый лексический материал показал „*Значение более новых списков для реконструкции языка Кирилла и Мефодия*“.

С особым интересом была встречена информация Джуначи Сато (Токио) „*Настоящее положение и перспективы „староболгаристики“ в Японии*“.

Впервые обучение староболгарскому языку было введено в Токийском институте иностранных языков Садатоси Ясуги (1877—1966). Его ученики и последователи Садатоси Йгета (1907—), Тосихару Огава (1909—), автор первой грамматики староболгарского языка в Японии и особенно Сенти Кимура (1915—) способствовали утверждению славистики в университетах в Токио, Хокайдо и Киото. В 1951 г. был учрежден также Научно-исследовательский институт по славистике при университете в Хокайдо, а в 1978 г. была создана Японская ассоциация славистов под руководством С. Кимуры. Она представляет и объединяет все более разнообразные и обширные интересы младшего поколения японских специалистов (Б. Обунай, С. Хисияма, И. Ямагути, Д. Сато, Т. Мориясу, Н. Егами, М. Фуджи и т. д.) к палеоболгаристике.

Новую интерпретацию „*Развития фонемосочетаний *tj, *dj в др.-болг. языке*“ предложил Борис Симеонов (Пловдив). Он показал неубедительность известного объяснения вопросного развития А. Лескиным. На основе параллелей с другими языками, а также современной фонологической интерпретации, автор продемонстрировал, что j может перейти только в ж, которое по ассимилятивным причинам переходит в ш. В сочетаниях *tj, *dj сначала произошла метатеза j, а впоследствии в результате консонантизации он перешел в ж, перемещая свое локальное измерение в препалатум. ж в позиции перед т естественно перешло в ш в результате потери звучности.

В своем исследовании „*Текст Синайского молитвенника и хорватские глаголические служебники (миссалы)*“ Иосип Тандарич (Загреб) показал значение хорватских глаголических памятников для создания комплексного представления о раннем периоде славянской письменности. В южной группе хорватских глаголических литургических кодексов автор установил некоторые средние Синайскому молитвеннику тексты (ие-

сколько благославлений и одну молитву), но в иной редакции (вероятно, более древней чем Синайская), часто с различным предназначением. Наличие лексических и фонетических (*жд*, реализации „сверхкратких“ как *о* и *е*) болгаризмов, как и очевидная архаичность данных текстов, свидетельствуют о том, что связи между Болгарией и Хорватией были крепче и продолжительнее, чем предполагалось до сих пор.

Актуальными исследовательскими задачами палеоболгаристики являются „*Одноеровые памятники русской редакции староболгарского языка*“, при исследовании которых Имре Тот (Сегед) использовал все известные (свыше 12) староболгарские и древнерусские рукописи одноеровой графики (XI в.). Он установил, что ни одна из отдельных одноеровых школ не проявлялась в чистом виде (за исключением кириллической части Реймского евангелия) и что употребление иотированных букв в XI в. irrelevantно при характеристике данных памятников. Одноеровые тексты с Ъ только из Восточной Болгарии и всегда кириллического происхождения, а те с Ъ характерны и для Восточной, и для Западной Болгарии. Древнерусские книжники позаимствовали все письменное богатство староболгарской культуры. Одноеровые школы появились в России еще до консолидации древнерусской орфографии. Одноеровые рукописи распространились сначала на юге, позже же Ъ-школа установилась на севере, причем даже вне сферы церковного употребления. Ни одна из одноеровых школ не предлагала правил для правильной и недвусмысленной передачи русских континуантов праславянских групп *tъrt, *tъlt, *tъlt, *tъrt. Этот недостаток стал причиной перехода к двуеровой графике.

„*Характер и значение среднеболгарских кодексов в Словакии*“ привлекли внимание Павла Шимы (Братислава). Анализ евангельских и частично апостольских чтений в этих рукописях раскрыл архаические пласты, связанные с одной стороны, с каноническими текстами, и расширяющие вариантное богатство первоначальных чтений, с другой. Многие места в данных рукописях являются свидетельством самостоятельной переводческой техники. Их особый отпечаток составляет своеобразный синкретизм двух культурных традиций — восточнославянского наслонения на среднеболгарскую основу и русской редакции в более поздних кодексах. Филологический анализ списка „*Жития Алексея*“ (из монастыря в Михайловцах, ныне в государственном архиве в Прешове, сигн. М9) также показал, что изучение списков с протооригиналов, связанных с евфимиевой или послеевфимиевой реформами, имеет не только региональное, но и общеславянское значение.

Оригинально прозвучали шесть аргументов Андерса Шёберга (Стокгольм) („*Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия*“), которые в своей совокупности свидетельствуют в пользу предположения, что при переводе евангельских текстов Кирилл и Мефодий использовали современную им технику перевода и одновременно записали несколько писцов. Неизбежным следствием подобного образа работы явились орфографические варианты в текстах. А если кроме того диктуемый текст был устным переводом, т. е. не существовало ранее написанного протографа-архетипа, легко можно допустить существование многих протографов. Орфографические, морфологические и лексические варианты в древнейших славянских евангельских текстах представляют собой картину, во многом схожую с вариантами в шести сохранившихся в скрипториуме Винчестера рукописях древнеанглийского перевода папы Григория.

Обобщив „*Современные проблемы староболгарской лексикологии*“, Ралая Михайловна Цейтли (Москва) подчеркнула, что работу над словарями древних славянских языков в отдельных славянских странах надо использовать в качестве фундамента для создания староболгарской лексикологии, чье значение не только национальное, но и общеславянское. Существенным приемом при анализе древней лексики является анализ слов в составе семантической группы по общему элементу значения (корню, аффиксу). Данная методика позволяет извлечь максимум информации из непосредственных источников староболгарского языка (староболгарских памятников), не привнося в него позднейших семантических особенностей и наслоений.

В предпоследний день работы коллоквиума в специальном разговоре у круглого стола были высказаны и обсуждены идеи его будущего развития. В своих высказываниях А. Милев, И. Калганов, И. Тот, Д. Иванова-Мирчева, Н. В. Косек, И. Гыльбов, Р. М. Цейтли, О. А. Князевская, П. Илчев и др. единодушно подчеркнули высокий научный уровень коллоквиума, его актуальность, коллегиальную и творческую атмосферу на всех заседаниях, поблагодарили за отличную организацию и выразили желание повторно в нем участвовать. Были приняты некоторые решения и сделаны следующие предложения: 1. Отпечатать зачитанные доклады, а в будущем документировать и высказывания по докладам; 2. Определить продолжительность следующего коллоквиума на 10 дней; 3. Определить свободную тематику при направленности на некоторые неразработанные па-

леоболгаристичные вопросы из области синтаксиса, лексикологии, семантики, графики и методики преподавания; 4. Доклады должны представлять собой вклад в развитие палеоболгаристики; 5. Составлять периодическую информацию о новейших публикациях и достижениях в области палеоболгаристики и археологии; 6. Пригласить для участия и более молодых специалистов.

После окончания докладов и дискуссий директор коллоквиума проф. д-р Куйо Куев раздал гостям почетные дипломы и от имени руководства поблагодарил всех за участие и за проявленный интерес.

В свободное от заседаний время гости имели доступ в Рукописное отделение Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия. В Отделении состоялась встреча с руководством библиотеки, на которой проф. Иван Дуйчев в качестве научного руководителя Археографической комиссии изложил ее цели и задачи. Гости осмотрели все важнейшие болгарские рукописи с XI по XVIII вв.

Во время специальной послеобеденной встречи проф. Моше Альтбауер был настолько любезен показать свои личные диапозитивы синайского монастыря св. Екатерины и сохраняющихся в нем славянских рукописей, а также рассказать об открытых в одной из келий монастыря 16 совершенно неизвестных науке славянских рукописях.

Гости осмотрели богатую коллекцию

старинных икон в Крипте храма-памятника им. Александра Невского, где им была предоставлена возможность услышать староболгарские песнопения в исполнении известного вокального ансамбля „Иван Кукузел“. Организованные экскурсии — две однодневных (на Витошу и в Рильский монастырь) и одна шестидневная (по стране после окончания деловой части коллоквиума — 24—29 августа), позволили участникам осмотреть важные культурные центры и памятники болгарской культурной истории в Плиске, Преславе, Мадаре, Великом-Тырнове, Несебре, а также познакомиться с последними археологическими открытиями на территории двух первых болгарских столиц (включая недавно открытую в монастыре у Большой базилики в Плиске надгробную надпись Лазаря с рубежа IX—X вв.), увидеть уникальные экспонаты Варненского некрополя (3500—3000 г. до н. э.) в музее при Аладжа монастыре и т. д. При посещении названных объектов интересующиеся имели возможность услышать компетентные объяснения и разговаривать со специалистами ранга Тотю Тотева, Казимира Константинова, Павла Георгиева, Бахчеванджиева и др.

Первая специализированная международная встреча палеоболгаристов из разных стран показала необходимость и результативность непосредственного общения между ними и поставила начало полезной традиции, которая в последующие годы будет развиваться и крепнуть.